

ЧЕРНОВ Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры
общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (908) 903-86-95
e-mail: chernovandr@yandex.ru

Социализм как синтез церковно-государственных отношений

Ключевые слова: социализм; государство; церковь; христианство; иудаизм; ислам; советский социализм; новый социализм.

Раскрывается религиозно-философское понимание феномена социализма с позиций христианства, иудаизма и ислама. Общинно-коллективистская сущность указанных религий констатируется как главная предпосылка формирования социалистических отношений. Общинность, возведенная до уровня государства и руководимая государством, становится социализмом. Статья содержит указания на некоторые трудности предстоящего социалистического ренессанса, необходимость которого давно назрела в российском обществе.

Как известно, еще с советских времен в массовом сознании закрепились мысли о несовместимости таких категорий, как «религия» и «социализм». Главными причинами возникновения указанного стереотипа являются, по мнению автора, не столько теоретико-догматические расхождения государственной идеологии и христианского вероучения, сколько политическая борьба между церковью и государством, имевшая место в непростых условиях XX века. Именно обстоятельства острой внутривнутриполитической борьбы, особенно в период начала построения социализма, во многом обусловили трагичность церковно-государственных и, как следствие, религиозно-социалистических отношений.

Церковь в лице большинства своих иерархов и преобладающей массы верующих благосклонно отнеслась к Февральской революции 1917 г. и свержению монархии. Это выражалось не только в славословии Временного правительства и скором забвении царственного семейства, но и в прямой поддержке буржуазно-демократических преобразований, проводимых новой властью. Однако по отношению к Октябрьской революции и молодому Советскому государству церковь заняла сначала недоверчивую, а затем и откровенно враждебную позицию. Естественно, со временем эта конфронтация усиливалась по той причине, что церковь стала прямо или косвенно поддерживать антибольшевистские силы. Таким образом, конфликт между церковью и государством имел в своей онтологической основе именно политическую составляющую.

Феномен политики *a priori* предусматривает институт дипломатии, т. е. возможность ведения переговоров. Советское государство могло бы «закрыть глаза» на идейно-теоретические расхождения с церковью, если бы получило взамен определенные гарантии (например, отказ от поддержки ею белого движения). Однако, как известно, православная церковь, что называется, «с головой» ушла в политику, поддерживая во время Гражданской войны многих сторонников тогдашних оппозиционных сил. Учитывая неумолимую логику борьбы за власть, после того как Советское правительство покончило с «белыми» и внешней интервенцией, оно сразу же направило всю свою мощь против церкви. Тем самым осуществлялось не столько возмездие, сколько

наносился превентивный удар по наиболее вероятному политическому противнику. И, как мы понимаем, в драме церковно-государственных отношений ушедшего столетия было много вины и самой церкви.

Социально-философские последствия идеологического противостояния церкви и государства были огромными. Прежде всего, в сознание советских граждан надолго вошла мысль о несовместимости религиозных убеждений и социалистических принципов. К такому выводу подталкивал тот факт, что практически все идейные основатели научного коммунизма были атеистами, отрицавшими приоритет духовного над материальным и, как следствие, искавшими ключ к решению социального вопроса исключительно в предметной деятельности человека. Как пишет О.И. Ходаковская, «атеизм Маркса (и не только он, а материализм в целом), подхваченный Лениным, был не органичен для социалистической (коммунистической) практики в России. Возможно, что именно он ее и погубил» [1]. С этим тезисом полностью согласен А.И. Молотков: «В самом начале своего концептуального оформления социализм был развернут и использован Марксом и его единоверцами как орудие в борьбе с христианством. И эта „родовая травма“ социализма предопределила весь трагизм дальнейшей его истории» [2. С. 163]. Именно в этом идеологическом конфликте автор статьи усматривает первопричину национальной катастрофы 1991 г., когда советский социализм вполне созрел, так сказать, до своего «крещения», но был искусственно разрушен. В итоге христианизация советского социализма так и не состоялась, несмотря на органичность и закономерность этого процесса.

В непростой и драматичной истории церковно-государственных отношений XX века было совершено немало ошибок (причем, как мы отмечали выше, и со стороны церкви). В итоге проиграли все: и общество, и советское государство, и православная церковь, которая теперь вынуждена приспосабливаться к изменчивой конъюнктуре рынка и постепенно, но неуклонно окунается в коммерциализацию. В отдаленной перспективе можно будет говорить вообще об апостасии русского православия, т. е. его отходе от изначальной догматической чистоты. Поэтому сегодня, как никогда ранее, нужны усилия для общественного, политического, экономического и культурного синтеза религиозных убеждений (в России – православных в первую очередь) и социалистических идеалов. Эмпирически это будет выражаться в социализации церкви и одновременной христианизации государства.

Продуктивный синтез религии и социализма возможен лишь в случае, если перестать отделять институт церкви от государства. Однако в наши дни это звучит вызывающе реакционно. Но стоит непредвзято взглянуть на историю церковно-государственных отношений, как станет ясно, что существует целый спектр моделей взаимодействия, самой известной из которых является «симфония властей» императора Юстиниана I, символично выраженная им в виде двуглавого орла. Представляется, что в наиболее полной и совершенной форме церковно-государственные отношения проявились в советский период, однако место церкви тогда прочно заняла коммунистическая партия. Если церковь есть совокупность индивидов, объединенных религиозным учением, то партия – совокупность индивидов, объединенных политической идеологией. Вероучение есть официальная доктрина церкви, а идеология – официальная доктрина партии. Следовательно, с философской точки зрения, нет принципиальных отличий церкви от партии.

СССР был вообще уникальным государством. Стоит напомнить, что фактическим главой государства в советский период являлся не руководитель, который возглавлял законодательную власть (сначала ВЦИК, после 1946 г. – Президиум Верховного Совета), как это имеет место во всех парламентских системах. И даже не тот, кто возглавлял исполнительную власть (сначала СНК, после 1946 г. – Совет министров), что характерно для всех президентских республик. Главой Советского государства всегда выступал

Генеральный секретарь ЦК КПСС, т. е. лидер партии (сначала РСДРП (б), затем РКП (б), потом ВКП (б) и, наконец, КПСС), что указывает на теократический характер советской системы. Таким образом, СССР по сути являлся теократическим государством, официальной церковью которого была коммунистическая партия.

Социальная сущность института церкви заключается в формировании особой общины верующих, в консолидации разрозненных индивидов в единое социальное целое. Первые христиане жили общинами, чему способствовал комплекс внешних и внутренних условий – от необходимости воплощать на практике евангельские заветы до элементарного страха перед враждебным окружением. О социальной структуре раннего христианства в канонических книгах Нового завета говорится прямо: «Все же верующие были вместе и имели всё общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде всякого» (Деян. 2:44–45); «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё было у них общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4:32–36).

Таким образом, христианские общины были не только религиозными институтами, но и самостоятельными хозяйствующими субъектами. Эта тенденция в дальнейшем достигла своей кульминации в практике построения монастырей, которые, с экономической точки зрения, являлись полностью автономными хозяйственными единицами. С распространением секулярных процессов, а также под воздействием либеральных взглядов происходил постепенный отказ от идеи церковного социализма. Сегодня даже такое словосочетание, как «христианский социализм», полностью дискредитировано внутри церкви, а его концептуальная разработка считается уделом немногих маргиналов, не способных приспособиться к стихии рынка.

Однако даже многие идейные критики христианства высоко отзывались о феномене христианского социализма. Так, Ф. Энгельс писал: «Социализм, в той мере, в какой он был тогда возможен, действительно существовал и даже достиг господства – в лице христианства... Христианское учение содержит в себе социалистическую тенденцию... черта эта проходит через все Средневековье... чтобы вновь возродиться у рабочих-коммунистов» [3]. Или другой пример. Апологет неолиберализма Л. фон Мизес писал, что либеральная идеология является глубоко индивидуальной, эгоцентричной, а социалистическая идея – целиком и полностью коллективистской, общинной [4]. В данных фрагментах весьма четко прослеживается мысль о том, что социализм как коллективная форма бытия людей был некогда органически присущ христианству.

Конструктивные взгляды иногда присущи даже непримиримым церковным критикам социализма. Например, протоиерей Всеволод Чаплин, глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, рассуждает следующим образом: «Любой нравственный кодекс, возникший в контексте христианской культуры, – а даже русский коммунизм возник в контексте христианской культуры, – отражает евангельские нравственные максимы. Нет ничего удивительного в том, что любые этические построения, которые родились в контексте русской культуры – даже в каком-то смысле русский атеизм! – неотделимы от христианского нравственного идеала. Не случайно те атеисты, с которыми я встречался в советское время и встречаюсь сейчас, в душе не могут расстаться с христианскими нравственными правилами. И в этом отличие русского атеизма и русского коммунизма от тех западных умопостроений, которые тотально отрицают идею неоспоримых нравственных норм» [5].

Подобное отношение к совместному быту, коллективному труду и распределению обязанностей внутри общины наблюдается сегодня в израильских кибуцах и мошавах.

Г. Брюггеман и М. Вайдингер пишут: «В Израиле сегодня существует 270–280 кибуцев. Если к этому прибавить вышеупомянутые мошавы и другие свободные товарищества, то окажется, что подавляющее большинство сельского населения Израиля живет в товариществах или непосредственно в кооперативных поселениях. При этом кибуцы и мошавы дают до 70% сельскохозяйственной продукции страны» [6]. Что бы ни говорили защитники рыночной экономики о ее эффективности (см., например: [7. С. 15]), коллективные хозяйства демонстрируют не только отличную производительность, но, что, может быть, даже важнее, воспитанность и дисциплинированность своих членов, их готовность всегда помочь друг другу.

Дело в том, что природно-климатические условия Израиля, будучи крайне неблагоприятными для земледелия, способствуют коллективному ведению хозяйства. Аналогичные проблемы характерны и для многих северных стран, включая Россию. Только бичом сельского хозяйства в них являются не жаркий климат и песчаные почвы, а наоборот, крайне низкие температуры. Тем не менее, как пишет один современный российский предприниматель, «Финляндия и Швеция – страны с рискованным, как и в России, земледелием, однако же отрасль там процветает, а доля сельхозкооперативов доходит до 60–70%» [8. С. 108]. Если учесть, что основными земледельческими ячейками русского общества всегда были крестьянские общины и монастырские подворья, а в недавнем прошлом – колхозы и совхозы, то существует и объективный смысл вернуться к коллективным формам сельского труда в России, тем более, что удачный опыт ряда государств свидетельствует об экономической целесообразности коллективного труда в условиях рискованного земледелия.

Схожее отношение к религиозно-трудовым организациям (уммам) наблюдается еще в одной авраамической религии – исламе. Ислам, как и раннее христианство, изначально формировался в виде изолированных общин. По этому поводу К. Армстронг пишет: «В первые годы своей миссии Мухаммад привлек немало новообращенных из числа молодежи, разочаровавшейся в торгашеских традициях Мекки. Среди последователей пророка было много неимущих и угнетенных, включая женщин, рабов и членов захудалых родов... Правовверные убеждены, что их судьба – созидание угодного Богу справедливого общества... Важнейшими общественными добродетелями стали братство и социальная справедливость» [9. С. 165, 180]. Во многом именно этим и объясняется факт частого построения социальной государственности в исламских странах, т. е. создания там государства, обеспечивающего всем и каждому достойный уровень жизни. При этом крайне важно отметить, что социальное государство на Востоке является государством религиозным, а в ряде случаев – даже теократическим.

Если церковь сегодня не сделает шаг в сторону социализма, т. е. не пойдет навстречу своей изначальной социальной сущности, то рынок как конкурентная система ценностей и убеждений рано или поздно ее уничтожит. Фундаментальная причина вражды между капитализмом и религией состоит в стремлении рынка самому стать религией и завладеть человеческими душами. Мировоззренческие расхождения между ними огромны. Так, церковь видит предназначение человека в том, чтобы быть рабом Божиим и в этом рабстве найти истинную свободу. Рынок же видит предназначение человека в том, чтобы быть рабом капитала и получить иллюзию свободы в форме безграничного потребления на личном уровне и в форме буржуазной демократии – на общественно-политическом. Таким образом, церковь и рынок принципиально не совместимы по причине их острой конкуренции за господство в ментальном пространстве. Известный евангельский сюжет о том, как Иисус Христос изгоняет торговцев из храма, красноречиво это подтверждает (Мф. 21:12–13; Мк. 11:15–19; Лк. 19:45–48; Ин. 2:13–16), причем настолько, что все четыре апостола-евангелиста заостряют на нем свое внимание. Стоит отметить еще один немаловажный момент: это был тот единственный случай, когда Иисус Христос применил силу для подтверждения своих слов. Многие авторы, как и

числа богословов прошлого, так и современных исследователей, видели в данном сюжете огромную опасность сребролюбия и ростовщичества. Сегодня же – это локомотивы мировой экономики...

Обратиться к идее социализма Русская Православная Церковь в большинстве случаев до сих пор не может. Пока не понятно, в чем заключается причина отказа от социализма со стороны главной государственной религии в России, – возможно, что и из-за незаживающих ран, полученных в XX столетии. Однако представляется, что ситуация намного сложнее и, скорее всего, отчасти заключается в финансовой заинтересованности иерархов церкви, которые за два последних десятилетия успели превратиться в крупных собственников. Эту же мысль проводит известный ученый-экономист В. Ю. Катасонов: «Изгоняя торговцев и менял из храма, Христос бросал вызов иудейской верхушке, которая фактически организовала под крышей Иерусалимского храма торгово-ростовщический бизнес и баснословно на этом бизнесе богатела» [10]. Тем не менее факт остается фактом: после того как знамя борьбы за социальную справедливость выпало из рук Советского Союза, его до сих пор так никто и не поднял.

Мы стоим на тех позициях, что сегодня в российском обществе складываются объективные предпосылки для социалистического ренессанса. Это, кстати, частично подтверждает и проведенное авторами среди студентов нашего вуза специальное исследование [11]. Чем заметнее продвигаются либерально-рыночные реформы, тем большие деформации в нравственном поле они производят, тем сильнее деградирует наше общество и тем более девальвирует человеческая личность. Сегодня человек попросту обесценивается и превращается в функциональный элемент рыночного механизма, в придаток капитала. Поэтому, как нам представляется, всё более вызревает необходимость построения нового социалистического общества. Новый социализм, на наш взгляд, должен идеологически очень серьезно отличаться от своей предыдущей версии – старого советского социализма – и не должен нести в себе ошибки прошлого. На смену «ветхому социализму» должен прийти «новый социализм», построенный на крепком религиозном фундаменте и традиционных духовно-нравственных ценностях.

В заключение укажем на методологическую применимость гегелевской диалектики к истории русского социализма. «Если теоретически представить христианское (православное) прошлое России как некий исторический „тезис“, то советскую эпоху со всеми ее атрибутами можно будет назвать социалистическим „антитезисом“. А по суровому закону диалектики выходит, что наше общество впереди ждет конструктивный синтез и „отрицание отрицания“, что на социально-экономическом и социально-политическом уровне проявится как христианский социализм» [12. С. 14]. И хочется верить, что история со временем докажет правоту подобных высказываний.

Источники

1. Ходаковская О. И. Христианский социализм: да или нет? Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/hodakovskaja.htm>.
2. Молотков А. И. Миссия России: православие и социализм в XXI веке. СПб. : Русский остров, 2008.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 22.
4. Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война / под ред. А. В. Куряева ; пер. с англ. К. Г. Пинскера ; коммент. В. В. Кизилова. Челябинск : Социум, 2006.
5. Чаплин В. Коммунизм и Библия похожи? // Московский комсомолец. 2013. № 26415.
6. Брюггеман Г., Вайдингер М. Израильский киббуц – модель альтернативного социализма? Режим доступа: http://www.avtonom.org/sites/default/files/store/bruggeman,vaidinger-izrailskii_kibyc.pdf.

7. Эрхард Л. Благостояние для всех / пер. с нем., авт. предисл. Б. Б. Багряцкий, В. Г. Гребенников. М. : Начала-Пресс, 1991.

8. Куряхов М. А. Бизнес по-деревенски // Национальный прогноз : информ.-аналит. журн. 2012. № 27.

9. Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе : пер. с англ. 4-е изд. М. : АНФ, 2012.

10. Катасонов В. Ю. Об изгнании Христом торговцев и менял из храма. Режим доступа: <http://www.pereprava.org/jurnal-pereprava-article/1321-ob-izgnanii-hristom-torgovcev-i-menyal-iz-hrama.html>.

11. Чернов А. В. Vox populi: социально-философское исследование материалов студенческих работ. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2013.

12. Чернов А. В. Философские и религиозные основания социальной государственности в России // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2012. № 6 (44).